

Маркс о генезисе денежной формы: некоторые дискуссионные вопросы в свете вышедших томов МЭГА

В первом выпуске работы «К критике политической экономии» (1859) Маркс для характеристики тогдашнего положения дел в буржуазной экономической литературе, посвященной проблеме денег, воспользовался ироническим замечанием видного английского политического деятеля Гладстона о том, что «даже любовь не сделала столько людей дураками, сколько мудрствование по поводу сущности денег»¹. Но если обратиться к сегодняшнему состоянию вульгарной буржуазной политической экономии, то и такая ирония оказалась бы неуместной. Ибо в работах представителей не только консервативной монетаристской и либеральной неокейнсианской, но и радикальной неорикардрианской экономической мысли Запада, как пишет советский исследователь В. М. Усоскин, в лучшем случае можно встретить замечание, что «ныне экономистов интересует не что такое деньги, а как они влияют на экономическую активность»².

В то же время процессы, происходящие в денежной сфере ГМК, настоятельно требуют именно углубленного анализа внутренней природы современных денег. В этой связи теоретическое наследие Маркса, публикуемое прежде всего во II и IV отделах МЭГА, сегодня как никогда актуально. Но не только в этой связи: в ходе дискуссий среди ученых-марксистов глубокие метаморфозы денежной системы капитализма в XX в. не получили пока однозначного объяснения³. Представляется, что обращение к томам МЭГА, документирующим историю экономического учения Маркса, — разумеется, наряду с изучением реалий современной кредитно-денежной сферы капитализма — может способствовать известному продвижению вперед.

Во-первых, в МЭГА, особенно в уже вышедших и находящихся сейчас в производстве томах IV отдела — 4-м, 7-м и 8-м — впервые широкому кругу ученых становятся доступными материалы, отражающие историю формирования собственных воззрений Маркса на природу и роль денег, генезис марксистской теории денег в процессе критического осмысления взглядов предшествующей экономической мысли⁴. До последнего времени политэкономы обычно обращались лишь к двум экскурсам в область истории теории денег в работе «К критике политической экономии» («Теории денежной единицы измерения» и «Теории средств обращения и де-

нег»), а также к отдельным ремаркам, во множестве рассеянным в томах «Капитала». Сегодня же исследователи располагают материалами, позволяющими понять, какой путь стоял за чеканными формулировками этих классических трудов Маркса.

Сопоставление Марксовых выписок, снабженных к тому же эго меткими комментариями, с писаниями нынешних буржуазных теоретиков позволяет полнее понять истоки концепций современных представителей вульгарной буржуазной политэкономии и впервые дает возможности проследить эволюцию собственных воззрений Маркса на деньги, понять их не в статике, а в динамике⁵.

Во-первых, важное значение имеет публикация во II отделе МЭГА всех авторизованных изданий I тома «Капитала»⁶, а также пометок и набросков Маркса, на основании которых в процессе подготовки 2-го немецкого и французского издания I тома был значительно переработан его 1-й отдел «Товар и деньги»^{6а}. Вместе с публикуемым в приложении к тому II/8 2-м изданием брошюры И. Моста «Капитал и труд. Популярное изложение «Капитала» К. Маркса» (Хемниц, 1876) эти материалы дают представление о том, что и в каком направлении считал нужным уточнить Маркс в изложении наиболее трудного раздела своей экономической теории. Тем самым открывается возможность для более глубокого понимания некоторых, казалось бы, давно и хорошо известных положений.

Наконец, еще один — марксоведческий — аспект. Благодаря томам МЭГА II/5—II/10 развитие марксистского экономического учения после 1867 г., когда вышло 1-е немецкое издание I тома «Капитала», предстает как не менее динамичный процесс, нежели его формирование в 40–50-е гг. В сочетании с «Анти-Дюрингом», «Критикой Готской программы», замечаниями Маркса на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» издания I-го тома «Капитала» отражают единую линию развития и конкретизации важнейших положений политической экономии марксизма — линию, еще не до конца изученную и осмысленную.

Какие же выводы в отношении Марксовой теории денег можно сделать уже сегодня? Прежде всего, это вывод о том, что по мере изучения буржуазной экономической литературы о деньгах и кредите⁷, углубления собственных представлений Маркса менялись угол его зрения, понимание им теоретического места и значения проблемы генезиса денег. Постепенно Маркс приходит к выводу, что выяснение специфики денег при капитализме отнюдь не достигается описанием их исторической эволюции, начиная с древнейших времен. Так, в Ш-У Лондонских экскерптных тетрадах подробно законспектированы труды Ж. Гарнье, И. Ф. Рейтемейера, У. Джейкоба по истории денег и денежного обращения, добычи благородных металлов⁸ и таким образом постепенно накапливаются данные для ответа на поставленный еще в «Нищете философии» вопрос о том, почему именно благородные металлы на известном этапе общественного развития становятся денежным товаром⁹. Однако в первом выпуске «К критике политической экономии» (1859 г.) Маркс уде-

ляет данной проблеме лишь краткий параграф «Благородные металлы», в самом его начале замечая: «Вопрос, почему денежным материалом служат золото и серебро, а не другие товары, выходит за пределы буржуазной системы. Поэтому мы лишь кратко изложим наиболее существенные положения»¹⁰. В I томе «Капитала» данный вопрос вообще уже не рассматривается: Маркс берет в качестве эмпирической предпосылки золото как деньги. И такое изменение отношения Маркса к месту исторического исследования в теоретической системе объяснимо. Ведь рассмотрение истории трансформации денежной системы в лучшем случае может дать ответ на вопрос о том, как стало деньгами золото¹¹. Между тем задача, которую не смогла решить предшествующая наука и которую ставил перед собой Маркс¹², заключалась в том, чтобы показать, как деньгами становится товар.

Опубликованные в МЭГА материалы отражают путь, пройденный Марксом при решении этой задачи. Благодаря публикации в томе IV/8 наброска «Слиток. Завершенная денежная система» (1851 г.) и принадлежащих к тому же периоду «Размышлений» теперь известно, что именно в начале 50-х гг. Маркс делает первую попытку от констатации того обстоятельства (хорошо известного и буржуазным экономистам), что деньги являются товаром, перейти к выяснению их своеобразия как *особого* товара. Благодаря этому удается значительно продвинуться в понимании сущности и функций денег¹³. В «Грундриссе» (1857–1858 гг.) в связи с критикой прудонистской концепции «рабочих денег» Маркс уже ставит вопрос о *генезисе* денежной формы — правда, пока лишь в том смысле, что нельзя ликвидировать деньги, оставаясь на почве товарного производства. На конец, в первом выпуске «К критике политической экономии» Маркс уже констатирует: «Главная трудность в анализе денег преодолена как только понято происхождение их из самого товара»¹⁴. Но решение этой задачи, данное в указанной работе, Маркса впоследствии не вполне удовлетворило, ибо в ней, по собственному его признанию, он избежал «трудности развития» тем путем, что «собственно анализ *выражения стоимости*» дал только тогда, когда оно «выступает уже в развитом виде, как денежное выражение»¹⁵. Иными словами, было показано генетическое единство товара и денег, но не сам процесс становления товара деньгами.

Преодолению этой «трудности развития» в значительной мере и была посвящена последующая работа над 1-й главой (впоследствии — 1-м отделом) I тома «Капитала», ход которой отражают тома МЭГА II/5 и II/6. В них читатель может ознакомиться с тремя вариантами параграфа о форме стоимости¹⁶, в котором впервые теоретически прослежено происхождение всеобщего эквивалента из простого выражения стоимости товара буржуазного общества. Сопоставление же изложения данного вопроса в «Капитале» с соответствующим разделом (целиком написанным самим Марксом) 2-го издания популярной брошюры И. Моста «Капитал и труд» позволяет глубже понять конкретный историзм метода «Капитала». Выясняется, что при доработке параграфа о форме стоимости с целью придать изложению боль-

шую доступность Маркс, несмотря на введение в текст некоторых исторических экскурсов иллюстративного характера, в общем все же не пошел по пути сведения внутренней диалектики товарной формы к истории возникновения и развития товарообмена и денег. Такая «историзация» (за которую сегодня пытается критиковать автора «Капитала» кое-кто на Западе¹⁷), как мы старались показать, противоречила бы логике развития его теоретических воззрений. И только в популярной брошюре, не преследующей цель дать строго научное доказательство сложнейшего вопроса, Маркс счел возможным сугубо описательное изложение¹⁸.

Таким образом, тома МЭГА способствуют углублению сложившихся представлений о методе исследования Марксом денег, помогают понять, что под «генезисом денежной формы» он подразумевал отнюдь не некую произвольно «спрямленную» историю товарообмена, а выведение необходимости денежной формы из развития внутренних противоречий товара — элементарной формы богатства общества, где «господствует капиталистический способ производства»¹⁹.

На этой основе становится возможным и выяснение исторической судьбы золота как денежного товара, т. е. ответ на один из основных вопросов современной дискуссии как в марксистской, так и в немарксистской литературе. Сегодня, когда под влиянием целого комплекса причин²⁰ практически завершена демонетизация золота, оно утратило роль денежного товара, не только в откровенно буржуазной литературе, но и в работах некоторых авторов на Западе, считающих себя марксистами, высказывается точка зрения, будто этот процесс означает «конец» марксистской теории денег. По справедливому замечанию А. А. Хандруева, «ситуация, которая сложилась в теории денег, чем-то напоминает состояние физики начала XX в., когда под воздействием целого ряда революционных естественнонаучных открытий получил хождение тезис об «исчезновении» материи»²¹. Как известно, В. И. Ленин, опираясь на философское учение основоположников марксизма и творчески его развивая, дал глубокую научную критику подобных взглядов. При выяснении превратностей судьбы золотого тельца, думается, также необходимо опираться на внимательное и творческое изучение теоретического наследия Маркса. В этом отношении МЭГА дает многое, позволяя не только проникнуть в творческую лабораторию автора «Капитала», но и глубже осмыслить некоторые хорошо известные положения «Капитала».

Так, в свете современных явлений заслуживает более пристального внимания характеристика денежного фетишизма, данная в «Капитале»²². Она проясняет гносеологические корни теории «исчезновения» классических денег, основывающейся на неверной оценке значения демонетизации золота. В то же время становится понятно и то, почему эта концепция приобрела прочность общего предрассудка: ведь «загадка денежного фетиша есть лишь ставшая видимой, слепящая взор загадка товарного фетиша»²³. Золото же, перестав быть деньгами, по-прежнему остается одним из привилегированных товаров.

Далее, выявленные Марксом особенно обстоятельно в «Грундриссе» внутренние противоречия денег, которые порождены тем, что деньги, с одной стороны, являются просто *товаром*, а с другой стороны — *особым товаром*²⁴, помогают понять внутренние причины эволюции денег при капитализме. Основная из них заключается как раз в том, что до тех пор, пока деньгам присуща указанная внутренняя двойственность, выполнение ими роли всеобщего эквивалента затруднено. (Отсюда ясно вырисовывается и путь разрешения этого противоречия — вытеснение золота символом, знаком, единственная потребительная стоимость которого состоит в том, чтобы быть эквивалентом, «зеркалом» стоимости всех представителей товарного мира.)

Это внутреннее противоречие денег является, как показано в основном тексте 1-го немецкого издания I тома «Капитала», по сути противоречием товарной формы продукта труда. Это выясняется, когда в параграфе о форме стоимости, рассматривая по существу денежную форму (которая, однако, здесь не названа и фигурирует просто как «Форма IV»), Маркс доводит анализ внутреннего противоречия всеобщей формы стоимости («Формы III») до апогея, формулируя своего рода антиномию: каждый товар может быть всеобщим эквивалентом, но и каждый товар может находиться во всеобщей относительной форме стоимости; но ни один товар не может в одно и то же время быть и всеобщим эквивалентом, и всеобщей относительной формой стоимости. Разрешением, «снятием» этой антиномии и являются деньги. Примечательно, что в основном тексте 1-го издания деньги на этом этапе еще не появляются. «И с точки зрения объективной диалектики предмета это вполне последовательно. Ибо до исследования процесса обмена — той общественной силы, которая придает одному из товаров (золоту) исключительную роль всеобщего эквивалента, преждевременно вести речь о деньгах.»²⁵

Впоследствии, желая придать изложению более доступный для читателя вид, Маркс, правда, существенно переработал указанный параграф, особенно его завершающую часть, где вместо «Формы IV» появилась «Денежная форма стоимости». Однако более сложный для восприятия текст 1-го немецкого издания I тома «Капитала», воспроизведенный в МЭГА, дает специалистам возможность для более глубокого выяснения ряда тонкостей, которые Марксу пришлось опустить в трактовке денег.

Особенно касается это, подчеркнем еще раз, вопроса о роли процесса обмена. Разумеется, следуя Марксовой методологии, истоки изменений в денежной сфере надлежит искать в глубоких сдвигах, происходящих под поверхностью обращения. Товарная форма продукта труда прошла большой путь развития в условиях буржуазного общества, претерпев особенно значительные изменения на монополистической стадии. Подрыв товарного производства в условиях империализма, указывал В. И. Ленин, связан с нарастанием элементов плановости, а значит — с

новым уровнем развертывания противоречия между индивидуальным и общественным трудом.

С другой стороны, текст 1-го немецкого издания убедительно свидетельствует, что Маркс, которого трудно заподозрить в приверженности меновой концепции, тем не менее весьма значительную роль в объяснении механизма движения противоречий товарной формы продукта труда отводил процессу обмена. Именно обмен, будучи, с одной стороны, «чисто индивидуальным», а с другой стороны, «всеобщим общественным» процессом²⁶, является сферой проявления глубоких внутренних изменений капиталистического производства²⁷.

Итак, генезис денежной формы Маркс прослеживает сначала на «эмбриональном» уровне — через развитие формы стоимости товара, затем рассматривается ее становление в процессе обмена. Наконец, последней ступенью исследования денег в I томе «Капитала» является выяснение их функций.

В современной марксистско-ленинской литературе функции денег зачастую трактуют как однопорядковые. Между тем, Маркс считал иначе. «Товар, который функционирует в качестве меры стоимости, а поэтому также, непосредственно или через своих заместителей, и в качестве средства обращения, есть деньги», — писал он²⁸. Не случайно 3-я глава I тома «Капитала» «Деньги, или обращение товаров» подразделяется на параграфы: «Мера стоимостей», «Средство обращения» и, наконец, «Деньги» (в последнем и рассмотрено то, что, строго говоря, можно определить как функции денег — сокровище, средство платежа, мировые деньги). Отсюда ясно, что определениям меры стоимостей и средства обращения Маркс придавал конститутивное значение, характеризовал их как необходимые внутренние качества, вне которых нет денег как таковых. Следовательно, как для доказательства «исчезновения» денег, так и для обоснования противоположного вывода необходимо прежде всего ответить на вопрос, какие метаморфозы претерпевают сегодня функции меры стоимостей и средства обращения²⁹.

С другой стороны, анализ первоначального варианта Марксова «Капитала» — «Грундриссе» — и примыкающей к нему по времени создания работы «К критике политической экономии» выявляет еще одну характерную особенность подхода Маркса к вопросу о функциях денег. А именно, развитие от меры стоимостей к мировым деньгам он трактовал не просто как движение от простого к сложному, но и как диалектическое «снятие». Таков смысл его замечаний о том, что по мере развития денег средство платежа потеснит функцию средства обращения³⁰. Наконец, следующее высказывание Маркса играет ключевую роль для понимания процессов, происходящих ныне в сфере денежных отношений: «Как всего лишь мера деньги уже подвергнуты отрицанию в них самих как средстве обращения; как средство обращения и как мера они подвергнуты отрицанию в них самих как деньгах. Таким образом, отрицание денег в этом последнем определении есть вместе с тем отрицание их в обоих первых определениях»³¹. Это «последнее определение» есть кредит.

Значение кредитных денег в условиях современного капитализма является активно дискутируемой темой в советской литературе³². Представляется, однако, что в дискуссии не учитывается в полной мере Марксов принцип «двухступенчатого» подхода к рассмотрению кредитных отношений.

Первый (1857–1858), второй (1861–1863) и третий (1863–1865 гг.) черновые варианты «Капитала» свидетельствуют, что согласно выработанному им плану исследования экономических отношений капитализма Маркс предусматривал двойное изложение ряда вопросов (таких, как конкуренция, кредит, наемный труд, земельная собственность и др.): в рамках общей теории, составившей затем содержание I–III томов «Капитала», — в основных чертах, а потом в «специальных учениях» — во всей полноте, с учетом всего многообразия конкретных черт каждой из указанных категорий. От такого принципа рассмотрения Маркс, очевидно, не намеревался отказываться и в ходе работы над окончательной редакцией своего труда³³.

Методологическое значение этого плана весьма велико. Из него, в частности, следует, что неправомерны попытки «осовременить» Марксову теорию путем непосредственного подведения всего многообразия кредита и нынешних кредитных денег под абстрактное определение денежной формы в I томе «Капитала». Ибо в своем полном развитии «кредитные деньги» принадлежат к более высокой сфере общественного процесса производства и управляются совершенно другими законами³⁴.

В рамках краткого сообщения нет возможности не только подробно остановиться на затронутых аспектах темы, но даже перечислить все те пункты, которые заслуживают более пристального внимания со стороны участников дискуссии о природе и роли денег современного капитализма и прояснению которых может способствовать МЭГА. Но, думается, и уже отмеченного достаточно, чтобы показать, что обращение к идейному богатству, становящемуся доступным благодаря этому уникальному изданию, — это взгляд не назад, а вглубь явлений.

Примечания

- 1 Маркс, К., Энгельс, Ф.: Соч., 2-е изд., т. 13, с. 49.
- 2 Усоскин В. М.: Теория денег, М. 1976, с. 45.
- 3 Критический анализ существующих точек зрения см., например, в статьях: Смыслов Д. В.: Проблемы денег современного капитализма. — Деньги и кредит, 1983, № 7; Коган А. М.: К вопросу об исследовании современных проблем денег при капитализме. — Там же, 1984, № 9; Титарев М. М.: Деньги современного капитализма: проблемы дискуссии. — Там же, 1985, № 9, II.

4 Это относится в особенности к томам IV/7 и IV/8, содержащим соответственно 1-ю–6-ю и 7-ю–10-ю Лондонские эксерптные тетради (1850–1853 гг.), в которых основное место занимают конспекты и выписки по вопросам теории денег и кредита.

5 О плодотворности такого подхода свидетельствуют опубликованные в 70–80-е гг. в связи с развернувшейся подготовкой к изданию IV отдела МЭГА статьи Л. Л. Васиной, В. С. Выгодского, А. Г. Сырова, ученых из ГДР Г. Биллинга, Х. Крист, В. Мюллера, Г. Фабиунке, К. Фрике, М. Циммерман, В. Яна, работы западногерманского исследователя Ф. Шрадера.

6 См. МЭГА II/5 (1-е немецкое издание I тома «Капитала»); в ближайшие годы выйдут тома II/6 (2-е немецкое), II/7 (французское), II/8 (3-е немецкое), II/9 (английское) и II/10 (4-е немецкое издание).

6а См. МЭГА II/6.

7 Изучать литературу о деньгах Маркс начал еще в середине 40-х гг., о чем свидетельствуют, в частности, Манчестерские эксерптные тетради (июль–август 1845 г.), которые войдут в том IV/4.

8 См. МЭГА IV/7.

9 См. Васина, Л. Л.: О месте эксерптных тетрадей Маркса первой половины 50-х гг. XIX в. в истории формирования марксистской теории денег. — В кн.: Очерки по истории «Капитала» К. Маркса, М. 1983, с. 28–29.

10 Маркс, К., Энгельс, Ф.: Соч., т. 13, с. 134.

11 За пределы такой постановки вопроса не выходят и сегодняшние представители буржуазной экономической мысли Дж. Гэлбрейт, Р. Триффин, М. Фридмен и др.

12 См. Маркс, К., Энгельс, Ф.: Соч., т. 23, с. 57.

13 Подробнее см. указ. статью Л. Л. Васиной, с. 29–33.

14 Маркс, К., Энгельс, Ф.: Соч., т. 13, с. 49.

15 См. там же, т. 31, с. 260.

16 В 1-м немецком издании I тома «Капитала» (МЭГА II/5) дается двойное изложение вопроса — для «диалектического» читателя в основном тексте и для «недиалектического» читателя — в приложении. В ходе работы над 2-м изданием, которую отражают публикуемые в томе II/6 наброски, Маркс устранил двойное изложение, постаравшись сделать возможно более доступным сам основной текст. См. подробнее «Очерки по истории» «Капитала» К. Маркса, М. 1983, с. 274–280.

17 См., например, серию работ о диалектике формы стоимости западногерманского автора Х.-Г. Бакхауза в „Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie“, 1, 3, 11, Frankfurt a. (M.), 1974–1978, книгу западноберлинца Г. Гёлера „Die Reduktion der Dialektik durch Marx“, Stuttgart 1980 и др.

- 18 Подробнее об объективной возможности и пределах целесообразности исторического рассмотрения вопроса см. нашу статью «Изложение вопроса о форме стоимости в брошюре И. Моста «Капитал и труд» под редакцией К. Маркса» в сб.: К 160-летию со дня рождения Карла Маркса, М. 1978, с. 33–53.
- 19 Маркс, К., Энгельс Ф.: Соч., т. 23, с. 43.
- 20 В их выяснение внесли свой вклад советские ученые А. В. Аникин, С. М. Борисов, Г. Г. Матюхин, Я. А. Певзнер, Г. П. Солюс, В. М. Усоскин, В. Н. Шенаев и др.
- 21 Хандруев А. А.: Деньги в экономике современного капитализма, М. 1983, с. 5.
- 22 См., например, Маркс, К., Энгельс, Ф.: Соч., т. 23, с. 102–103.
- 23 Маркс, К., Энгельс, Ф.: Соч., т. 23, с. 103.
- 24 См. там же, т. 46, ч. I, с. 93, 180 и др. (в МЭГА — том II/1.1, 1.2). Содержательный анализ внутренних противоречий денежной формы, обусловивших отмирание золотых денег, см. в указ. соч. А. А. Хандруева, с. 13–25.
- 25 Шкредов, В. П.: Анализ формы стоимости в I томе «Капитала». В кн.: Очерки по истории «Капитала» К. Маркса, М. 1983, с. 277.
- 26 См. Маркс, К., Энгельс, Ф.: Соч., т. 23, с. 96.
- 27 Подробнее см., например: Матюхин Г. Г.: Проблемы кредитных денег при капитализме, М. 1977, с. 64 и след. — Королев, И.: Валютные отношения капитализма и марксистско-ленинская теория денег. — МЭМО, 1983, № 6, с. 88–89.
- 28 Маркс, К., Энгельс, Ф.: Соч., т. 23, с. 140.
- 29 Интересная попытка его решения предпринята на с. 157–165 упомянутой выше книги А. А. Хандруева.
- 30 См., например, Маркс, К., Энгельс, Ф.: Соч., т. 46, ч. II, с. 411; т. 13, с. 125 и др.
- 31 Там же, т. 46, ч. I, с. 180–181.
- 32 См. в особенности работы В. М. Усоскина.
- 33 Данный вывод обстоятельно обосновывается в кн.: Коган А. М. В творческой лаборатории Маркса. (План экономических исследований 1857–1859 гг. и «Капитал») М., 1983.
- 34 Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., т. 13, с. 99. Подробные предметные указатели к томам МЭГА позволяют выяснить, какие именно аспекты кредита и почему Маркс полагал целесообразным рассмотреть вне контекста общей теории капиталистического способа производства.

Rolf Hecker

Einige Aspekte der Textveränderungen von der 2. zur 3. deutschen Auflage des ersten Bandes des „Kapitals“

Die Bearbeitung der 3. Auflage im Band II/8 erfordert, erste Forschungsergebnisse zur Diskussion zu stellen. Damit sollen weitere Voraussetzungen für die Erarbeitung der Einleitung geschaffen werden. Im Band II/8 werden neben der 3. Auflage von 1883 drei Veränderungsverzeichnisse von Marx sowie eine Liste mit Veränderungen von Engels für den ersten Band und im Anhang die 2. Auflage der Schrift von Johann Most „Kapital und Arbeit“ (1876) ediert.¹

Die bisherige Forschungsarbeit innerhalb des „Kapital“-Komplexes hat gezeigt, daß die Textentwicklung der Kritik der politischen Ökonomie mit der Erstausgabe nicht abgeschlossen war. Dieser Abschluß war vor allem relativ, weil alle Theorieelemente des Marxismus einer ständigen Weiterentwicklung unterlagen. Mit dem Erscheinen der Erstauflage änderten sich m. E. die Bedingungen dieser Entwicklung. Marx trat mit seiner ökonomischen Theorie an die Öffentlichkeit. Dadurch kamen weitere Faktoren hinzu, die diese Textentwicklung beeinflussten. Es spielten sowohl innere als auch äußere Faktoren der Theorieentwicklung eine wichtige Rolle. Unter den inneren Faktoren werden theorieimmanente Aspekte und unter den äußeren Faktoren wirkungsgeschichtliche Aspekte verstanden.²

Zunächst soll auf den Einfluß *wirkungsgeschichtlicher* Faktoren auf die Textentwicklung eingegangen werden. Dazu muß ein Blick auf die Marxsche Schaffensperiode von 1873 bis 1883 geworfen werden:

1. *Marx' Arbeit bzw. Mitarbeit an wichtigen theoretischen Schriften, an der „Kritik des Gothaer Programms“ und am „Anti-Dühring“*

An vielen Passagen der Marxschen Programmkritik läßt sich die Tatsache nachweisen, daß sie in allen wichtigen Aussagen auf den theoretischen Grundlagen des „Kapitals“ fußt. Das betrifft solche Fragen, wie nach den Quellen des Reichtums, Marx' Darlegungen über den Arbeitsprozeß, zur Akkumulationstheorie u. a.³

Im Sommer 1877 wurde eine weitere Phase von Marx' Arbeit an der Werttheorie eingeleitet. Es galt, die politökonomischen, also auch werttheoretischen Auffassungen von Eugen Dühring einer umfassenden Kritik zu unterziehen. Marx unterstützte dabei Engels in umfassender Weise. So schickte er an ihn am 8. August 1877 Material